

Роль прототипов *нет* и *без* в формировании и экспликации понятия «отсутствие» в русской поэзии

Е. А. СКОРОБОГАТОВА*, О. В. РАДЧУК

Кафедра зарубежной литературы и славянских языков, Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды, ул. Валентиновская, 2, UA-61168 Харьков, Украина

Received: 20 February 2021 • Accepted: 5 April 2021

© 2021 Akadémiai Kiadó, Budapest

АННОТАЦИЯ

Объектом исследования является понятие «отсутствие», относящееся к таким базовым абстрактным понятиям, которые играют значительную роль в концептуальной системе языка и имеют важное социальное и культурное значение. Предметом исследования стали поэтические контексты, в которых данное понятие репрезентировано. Поэтические тексты выбраны для анализа не случайно, поскольку именно в них отражение восприятия отсутствия вскрывает когнитивный потенциал личностей, подходящих индивидуально к отбору и использованию вербальных средств, передающих это понятие. Проведенное исследование механизмов формирования и репрезентации понятия «отсутствие» в поэтическом тексте выполнено с учетом принципа антропоцентризма как основополагающего в когнитивной лингвистике. Лингвокогнитивный анализ, в основе которого лежит теория прототипического описания лексико-грамматических явлений, позволяет выявить широкий диапазон репрезентации понятия «отсутствие» в поэтическом дискурсе.

Предложенный методологический подход к изучению способов экспликации абстрактного понятия «отсутствие» в русском языке апробирован в исследовании поэтического языкового материала. Изучение поэтического представления понятия реализовано на основе концепции бинарного противопоставления онтологически значимых понятий «наличие» – «отсутствие». С помощью приема интерпретации выяснена роль прототипов *нет* и *без* в формировании и экспликации понятия «отсутствие» при создании поэтических мотивов, непосредственно передающих анализируемое понятие. Применение метода прототипического описания позволило раскрыть семантические ню-

* Corresponding author. E-mail: skorobogatova.elena@gmail.com

ансы, показать позитивные и негативные коннотации, репрезентирующие понятие «отсутствие» в поэзии.

Были выделены корреляции между способами использования частиц *не* и *ни*, предлогов и приставок *не*, *ни*, *без* как репрезентантов понятия «отсутствие» и представлением мотивов космической гармонии, бессмертия, искушения, увядания, гибели, отсутствия любви. Показано, что позитивная авторская оценка описываемого в стихотворном тексте создается при противопоставлении мотивов гармонии и бессмертия с помощью диалектического объединения понятий «отсутствие» – «наличие» путем их одновременного оязыковления в контекстах комплементарного типа.

Доминирование языковых репрезентантов понятия «отсутствие» приводит к формированию негативного оценочного контекста, который связан с мотивами искушения, увядания, гибели, любовного одиночества. Описание с когнитивных позиций значений лексических единиц, репрезентированных в поэтическом дискурсе, углубляет научное представление о семантике естественного языка как феномене психики человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

когнитивная лингвистика, антропоцентризм, теория прототипов, понятие «отсутствие», поэтический дискурс, прием интерпретации, поэтический мотив, авторская оценка

1. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Современная когнитивистика исследует лингвальные обобщения, имеющие конкретную объективацию и реализацию, в том числе поэтическую. Реально существующее в языке является результатом познавательной деятельности человека, который воспринимает мир посредством опыта, осмысливает полученные знания, закрепляя их в сознании. Креативные мыслительные процессы, находящие вербальное воплощение в поэтических текстах, представляют особый тип восприятия и рефлексии. Когнитивные проекции в поэзии вскрывают потенциал использования языковых ресурсов индивидуально, передавая личностное субъективное видение мира.

Общеизвестно, что основы исследования проблем когнитивных механизмов человеческого сознания посредством языка были заложены в работах Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Э. Рош, Ч. Филлмора, У. Чейфа (см. ЛАКОФФ 2011, LANGACKER 1987, ROSCH 1975, FILLMORE 1985, ЧЕЙФ 1983), а их идеи, основанные на принципе антропоцентризма и изучении языка как феномена психики человека, получили развитие в современных лингвистических научных разработках когнитивного направления.

Когнитивное постижение языка ориентировано на лингвокогнитивное и дискурсивное диагностирование и атрибуцию языковых знаков, которые приобретают в поэтическом тексте новые коннотации, формируют устойчивые и индивидуальные приращения смысла.

Поэтический дискурс расширяет представления об онтологически и гносеологически важной абстрактной лексике, имеющей конкретную реализацию в поэзии. Абстрактное понятие «отсутствие» и его лингвальное воплощение в поэтическом дискурсе не исследованы. Это дает основания говорить о значимости данной проблемы в современной когнитивной науке.

Можно согласиться с мнением лингвиста Е. В. Чернцовой о том, что комплексный когнитивно-дискурсивный анализ позволяет выявить корреляцию между понятийным уровнем и уровнем языковой семантики в пределах поэтического дискурса и служит средством определения характера когнитивной и дискурсивной деятельности (Чернцова 2019b).

Цель статьи – показать, как с помощью языковых средств происходит поэтическое осмысление и вербализация онтологически значимого понятия «отсутствие», определить устойчивые коннотации и связь с мотивной сферой при его стиховой реализации.

2. ПОНЯТИЕ «ОТСУТСТВИЕ» И ЕГО ПРОТОТИПЫ

Когнитивные способности человека содействовали созданию различных знаковых способов представления диалектического единства и оппозиции «наличие» / «отсутствие», в первую очередь, – языкового. «Отсутствие» как понятие формировалось постепенно: на основе конкретного отсутствия кого-либо или чего-либо появилось абстрактное представление. Языковой реализацией понятия «отсутствие» являются как прототипы (первичные, наиболее яркие и частотные экспликации), так и вторичные репрезентанты (невербальные и вербальные средства).

В вербальной репрезентации понятия «отсутствие» прототипический элемент «переносится» и воспроизводится для обозначения конкретного отсутствия чего-либо, что, в свою очередь, связано с процессом апперцепции. В описании процесса познания когнитивная лингвистика, как и современная психология, опирается на понятие апперцепции. Языковая номинация представляет собой процесс и в тоже время является результатом этого процесса, который сопряжен с творческим процессом осмысления социального опыта человеком, механизмом восприятия и познания объектов действительности или вымышленных, сохранением прежнего опыта, знаний и представлений об этих объектах в памяти. Фиксация нового, но с опорой на прототипическое значение, завершает процесс познания.

Лингвокогнитивный анализ, в основе которого лежит теория прототипического описания лексико-грамматических явлений, получил достаточно широкое развитие в трудах лингвистов разных поколений: А. Вежбицкой, Е. Кубряковой, Дж. Лакоффа, Б. Левандовской-Томашик, Д. Новикова, Е. Рахиловой, Э. Рош и других (см. Вежбицкая 2001, Кубрякова 2004, Лакофф 2011, Lewandowska-Tomaszczyk 2007, Новиков 2010, Рахилова 2010, Rosch 1975). Описывая значения лексических единиц с когнитивных позиций, они углубили научное представление о семантике естественного языка.

Теория прототипов избрана для анализа репрезентаций в поэтическом дискурсе понятия «отсутствие», поскольку прототипы отражают парадигматические отношения, в основе которых находится ассоциация. Прототип выступает обычно первой ассоциацией, связывающей реальный предмет с абстрактным понятием в сознании человека. Он является составной частью понятия: «исследование процессов человеческих умозаключений является частью исследования человеческого мышления и структуры понятий; отсюда следует, что прототипы, используемые в умозаключениях, должны быть частью структуры человеческих понятий» (Лакофф 2011: 70).

Данное утверждение соотносится с нашим пониманием первичности прототипа и вторичности вербальной репрезентации понятия «отсутствие». Прототип имплицитно

фрагмент экстралингвистического знания в сознании субъекта и предопределяет экспликацию понятия.

Понятие «отсутствие» в нашем представлении – это результат и инструмент когнитивной деятельности человека, при которой прототипы *нет* или *без* преобразуются в вербальный знак языковой системы (Радчук 2020).

Прототипы *нет* и *без*, получая развитие во вторичных номинациях, выявляют гносеологическую и онтологическую сущность понятия «отсутствие». Репрезентации понятия «отсутствие» представлены широким диапазоном гетерогенных языковых явлений, в чем проявляется креативность человеческого разума и мышления.

Когнитивно-эвристический потенциал прототипических знаний и опыта, запечатленный в прототипах *нет* и *без*, ассоциативно связан с абстрактным понятием «отсутствие». Лингвокогнитивное осмысление вербальных средств его представления становится возможным при опоре на теорию прототипов американского психолога Э. Рош (см. Rosch 1975). Э. Рош считала основным способом в исследовании прототипов прием интерпретации, ее теория предполагает объяснение взаимосвязей лингвального и экстралингвального знания, соотнесение фактов языка с фоновыми знаниями о предметах и явлениях окружающего мира.

Прием интерпретации позволяет уточнить семантику средств выражения понятия «отсутствие». Интерпретация позволяет проникнуть как в содержательный объем конкретного поэтического текста, так и в процесс формирования смысла. В рамках описательного метода этот прием дает возможность определить связь между понятием «отсутствие» и прототипами, увидеть ключевые точки соединения репрезентанта понятия с прототипом на основе лингвокультурологического истолкования поэтических контекстов с учетом индивидуально-субъективных и объективных показателей.

Когнитивные способности человека опираются на комплекс ассоциаций, память, способность к метафоризации и метонимизации, перцепцию и апперцепцию. В этом находит реализацию непредсказуемость и нестандартность мышления, связанная с появлением новых номинативных единиц, расширением и сужением лексической семантики слова, селекцией грамматических форм слов, осознанным созданием комического и многим другим. Вместе с тем говорящий не может употреблять лингвистические знаки произвольно, они закреплены в речевом опыте.

На наш взгляд, при исследовании языковой репрезентации необходимо учитывать то, что выражение понятия «отсутствие» в системе языка, в данном случае русского, отражает в одних случаях абстракцию (инвариант), а в других – конкретную реалию (вариант), являясь точкой пересечения языка и мысли. В определенных контекстных реализациях понятие «отсутствие» способно порождать новый концептуальный смысл и передавать новые концептуальные знания.

Очертив семантический круг ассоциативно связанных прототипов понятия «отсутствие», мы установили общие для них языковые репрезентанты. Ими являются, в первую очередь, слово *нет* и производная от него частица *не*.

Слово *нет* использует большинство людей, говорящих на русском языке, с целью выразить понятие «отсутствие». Данное слово прочно закреплено в сознании носителей русского языка, этимологически связано с древнерусскими *нету*, *нетути*, которые фиксируются в письменных памятниках с начала XIV века. Предикатив *нет* употребляется как эквивалент отрицательного предложения или его главного члена в ответных репли-

ках и представляет собой релятив. Прототип *нет* относится к лексико-грамматическим языковым средствам, его семантика психологически более значима, чем семантика иных языковых средств, передающих понятие «отсутствие». В пределах сформированной в сознании человека наивной картины мира слово *нет* является наиболее точной и яркой языковой презентацией не только «отсутствия», но «отрицания», поэтому для выражения этих понятий используются общие языковые средства. Только в одних, контекстуально обусловленных, случаях они передают семантику «отсутствие», а в других «отрицание».

В русском языке, помимо слова *нет*, к вербальным маркерам понятия принадлежат: 1. частица *не*, способная находиться перед любой словоформой; 2. усилительная частица *ни*; 3. отрицательные местоимения и наречия с префиксом *не-* (*некого*, *негде*); 4. местоимения и местоименные слова с префиксом *ни-* (*никто*, *ничто*); 5. двойное отрицание, которое является особенностью русского и других славянских языков и представляет собой комплекс двух презентантов отрицания (Радчук 2019: 127).

Указывая и анализируя языковые репрезентанты понятия «отсутствие» и его прототипов, считаем важным высказывание датского лингвиста О. Есперсена по поводу выражения отрицания в индоевропейских языках. Ученый, обращаясь к наличию двойного отрицания и его исчезновению в германских языках, пишет о том, что «если в современном английском и в современном немецком языке повторение отрицаний стало встречаться реже, чем прежде, то одна из причин, вероятно, состоит в том, что фонетически невесомые *ne* и *en* были замещены в этих языках более полными *not* и *nicht*, хотя этому результату содействовала школьная логика и влияние латыни» (ЕСПЕРСЕН 2002: 385–386). В славянских же языках происходит обратное явление: достаточно часто утрачивается конечный консонант в слове *нет*, что требует и влечет за собой лексический повтор. Необязательно будет употребляться в качестве повтора структура *нет + не*, в речи возможны и другие экспликации.

Понятие «отсутствие» может быть реализовано с помощью предлога *без* и образованного от него префикса *без-* / *бес-*. Предлог *без* является древним, восходящего к праславянскому **bez*. Его первичное значение ‘вне, снаружи’ дополнялось значением ‘недостает до чего-то’. Например, «Кланялась молода *без* стил до батенька» (ПОТЕБНЯ 1985: 224). Из предлога *без* развился языковой репрезентант, выраженный деривационным элементом *без-* / *бес-*. Позже появляется значение ‘лишенный того, что названо производным словом’: например, *безусый*, которое в современном русском языке является основным. Общеизвестно мнение дериватологов о том, что образования префиксально-суффиксальных адъективов с префиксом *без-* / *бес-* от субстантивов отличается синтагматической свободой морфем и неограниченной потенциальностью образования новых слов.

Аффиксы конкретизируют и уточняют значение, заложенное в корневой морфеме. Образованные от служебных частей речи префиксы *не-* и *без-* присоединяются к основам самостоятельных слов, формируя абстрактную информацию об отсутствии предмета, признака, действия. Определение роли префиксов *без-* / *бес-* и *не-* в порождении смыслов, выявлении инвариантного значения, влияние префикса на семантику вторичной номинации, учет собственного имманентного значения префикса позволяет раскрыть языковой механизм формирования и передачи понятия «отсутствие» в русском языке.

Мы можем предположить, что фонетически «недостаточным» для передачи понятия «отсутствие» является префикс *не-* в отличие от более звучного и фонетически «полного» префикса *без-* / *бес-*. Прототип *без* сохраняется во вторичной номинации полностью,

а прототип *нет* – частично, он утрачивает конечный согласный, тем самым ослабляя свое звучание во вторичной номинации и снижая фонетическую и семантическую значимость, которые становятся взаимосвязанными.

Определение роли префиксов *без-* / *бес-* и *не-* в порождении различных смыслов, выявлении инвариантного значения, влияние префикса на семантику вторичной номинации, учет собственного имманентного значения префикса позволяет раскрыть языковой механизм формирования и передачи понятия «отсутствие» в русском языке с когнитивных позиций.

Представляет интерес исследование оценочного потенциала этого использования, который в поэтическом тексте выражен максимально ярко (см. КОСМЕДА 2000). Здесь в полной мере реализуется субъективное восприятие действительности, осмысление значимого отсутствия на фоне наличия, передача вербальными средствами психологического состояния, вызванного отсутствием. Понятие «отсутствие» мы относим к аксиологически важным понятиям. Вербализуя, носители русского языка наделяют его оценочностью, в одних случаях позитивной, в других – негативной. Прагматический аспект предполагает выбор средств, с помощью которых происходит разграничение оценки (ХАЛИМАН 2017). Также формирование оценочного высказывания может быть обусловлено: «сложностью процесса порождения оценки, во время которого то или иное явление должно быть не только воспринято, но и сопоставлено с существующей моделью мира либо с личностными представлениями человека, пропущенное сквозь сферу человеческих чувств и в результате этого классифицировано» (КОСМЕДА 2017: 61).

В поэтическом дискурсе, обладающем высокой экспрессивностью в передаче оценки, понятие «отсутствие» не является нейтральным. Языковые репрезентанты приобретают эмоционально-оценочную окраску, поэтические контексты наполняются экспрессией. Отбор средств репрезентации понятия является художественно значимым, так как обусловлен онтологическими характеристиками поэзии, такими как ориентация на имплицитного обобщенного адресата, образность, ритм, фасциативность и многозначность смысла.

Психические корреляты вскрывают лингвокреативную составляющую мыслительных процессов человека, именно психология индивидуума влияет на создание репрезентаций понятия «отсутствие» в языковой системе. По замечанию У. Эко, «все проблемы коннотаций – это сфера психолингвистики, и вовсе не потому, что коннотации могут быть сведены к психологическим событиям и не поддаются структурированию через оппозиции, но, напротив, для того чтобы выявить эти коннотативные оппозиции, требуется опыт психолингвистики...» (Эко 2004: 477). Субъективное восприятие действительности, осмысление и выделение значимого отсутствия на фоне наличия, передача вербальными средствами своего психологического состояния, отношения и переживаний, чувств, вызванных отсутствием, реализуется в полной мере в поэтическом тексте.

В ментальном сознании носителей русского языка хотя и четко зафиксирована ассоциативная связь прототипов с понятием «отсутствие», в конкретных контекстных реализациях понятие «отсутствие» порождает новый концептуальный смысл. Прототипы *нет* и *без* обладают неограниченным потенциалом в аспекте создания на их основе новых представлений о существующем и воображаемом мире в бинарной системе «наличие» / «отсутствие», и это находит воплощение в поэтическом дискурсе.

3. ПОЭТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ОТСУТСТВИЕ» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Поэзия служит сферой максимальной реализации языковых потенций и динамики. Это пространство непрерывной языковой деятельности, лаборатория, в которой происходит лингвальный поиск, место апробации средств лингвокреологии. Креативная функция языка в поэзии связана с экспрессивной, магической, когнитивной функциями (Киклевич 2014: 62, 66, 73–75). Поэтическая креативность опирается на «воображение как познавательную способность» человека (Голосовкер 1987: 10–12), формирует fascinatивность текста (Головин 2010: 340–341), объединяет автора и реципиента в устойчивую апперцептивную пару.

Рассмотрим, как реализуются прототипы понятия «отсутствие» в русской поэзии XVIII–XX веков, как на их основе формируются поэтические смыслы, какие мотивы и какие коннотации связаны с этим понятием в русской поэтической картине мира. Наш материал показывает, что исследуемое понятие регулярно связано с мотивами гармонии мира и бессмертия, соблазна, мотивами смерти, увядания и отсутствия любви. Однако прототипическое представление «отсутствия» в стихотворениях с разными мотивами различно. Разберем основные варианты.

Яркий пример стиховой реализации потенциала прототипического представления отсутствия встречаем в стихотворении М. Ломоносова «Вечернее размышление о Божием величестве (при случае великого северного сияния)». Стихотворение начинается строфой:

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне – дна.

(Банников 1986: 12)

В его основе бинарное представление (Топоров 2010: 12–15) гармонического мироустройства: *день – ночь, тень – лучи, взошла – склонились прочь*. Эта бинарность комплементарна: конец дня связан с приходом ночи. В первых двух стихах использованы однокоренные глаголы с приставками *с-* и *по-* в синонимическом значении ‘доведение до естественного предела’. В следующих двух стихах присутствуют глаголы-антонимы: *взошла, склонились*. Они описывают появление *тени* и угасание *лучей*. Оппозиция «наличие» / «отсутствие» представлена контекстуальной динамикой в развертывании поэтического сюжета. Кульминация описание природного явления достигает в последних двух стихах, где объединены отсутствие и полнота. Бездна и звезды сливаются в картине Божьего величия.

Ломоносов – создатель русской научной поэзии, где язык естествознания «обнаруживает свою глубинную поэтичность и метафоричность» (Эпштейн 2007: 223). В этом фрагменте мы также видим лингвистическую зарисовку, которая не так очевидна, как естественнонаучная, но не менее выразительна. Актуализована внутренняя форма существительного *бездна*, деривационная и этимологическая (Фасмер I: 144, Чернцова 2019а:

58–65). Прототипы понятия «отсутствие» *нет* и *без* в последнем стихе представлены как синонимы. Множественность (бесчисленность) звезд и отсутствие предела у бездны представлены в гармоническом единстве, подчеркнутом языковым подобием конструкций. Один образ усиливает другой, за счет чего создается картина бесконечного пространства, заполненного бесконечным числом звезд. Смысловую основу текста создают репрезентанты исследуемого понятия. Экспрессивную окраску произведения можно назвать «мажорной»: поэт восхищен гармонией вселенной и величием ее Творца.

Такая же позитивная окраска создается в ряде стихотворений экзистенциальной тематики, где поэзия утверждает отсутствие смерти, «жизнь вечную». Стихотворение А. Тарковского «Жизнь, жизнь» начинается строфой, которая звучит как поэтический символ веры:

Предчувствиям *не* верю, и примет
 Я *не* боюсь. *Ни* клеветы, *ни* яда
 Я *не* бегу. На свете *смерти нет*.
Бессмертны все. *Бессмертно* всё. *Не* надо
 Бояться смерти *ни* в семнадцать лет,
Ни с семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, *ни* смерти *нет* на этом свете.
 Мы все уже на берегу морском,
 И я из тех, кто выбирает сети,
 Когда идет бессмертье косяком.

(ТАРКОВСКИЙ 1991: 242)

В этом фрагменте повторяются частицы *не*, *нет*, префикс *бес-* и усилительная частица *ни*. Поэт повторяет: *На свете смерти нет*; *Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете*, утверждает идею бессмертия в словах *Бессмертны все*, *бессмертно всё* и в последнем стихе строфы *Когда идет бессмертье косяком*. Евангельский образ рыбака, выбирающего сети, и отождествление с ним лирического героя, подчеркивает крепость этой веры. Христианская мысль об отсутствии смерти служит смысловым центром стихотворения. Она создана повтором прототипов понятия «отсутствие», относящихся к смерти, усилена идеей наличия в высказывании: *Есть только явь и свет*. Идея единства жизни и бессмертия передается также благодаря повтору слова *жизнь* в названии стихотворения, которое корреспондирует с отрицанием смерти в первой его части. Жизнь манифестирована в отсутствие смерти: ведущая экзистенциальная категория рассматривается сквозь призму отсутствия ее противоположности. Наблюдаем также характерное для поэтического дискурса «мерцание» смыслов, связанное с семантикой отсутствия и отрицания.

В философском и экзистенциальном аспекте поэтическая репрезентация мотива носит устойчивый позитивный характер в диалектической связке «наличие» / «отсутствие». Тенденция комплементарности оппозитивных понятий поддерживается в произведениях А. Пушкина, А. Фета, А. Блока. В тех случаях, когда равновесие нарушается, например, во многих стихотворениях Ф. Тютчева, описывающих не столько красоту дня, сколько ужас ночи и бездны, меняется стилистическая окраска текста: в нем начинает преобладать отрицательная оценочность.

Иной характер носит представление понятия «отсутствие» в текстах, содержащих мотив соблазна. В поэме М. Лермонтова «Демон» звучит мотив соблазна отказа от земных страданий и испытаний. В песне Демона небесная гармония отсутствия печали и желаний не поддержана идеей творения:

На воздушном океане,
 Без руля и без ветрил,
 Тихо плавают в тумане
 Хоры стройные светил;
 Среди полей необозримых
 В небе ходят без следа
 Облаков неуловимых
 Волокнистые стада.
 Час разлуки, час свиданья –
 Им ни радость, ни печаль;
 Им в грядущем нет желанья
 И прошедшего не жаль.
 В день томительный несчастья
 Ты об них лишь вспомяни;
 Будь к земному без участия
 И беспечна, как они!

(ЛЕРМОНТОВ 1980: 383)

Прекрасная картина создана лишь прототипами понятия «отсутствие». Демон обещает Тамаре отсутствие страданий, но не вспоминает о созидательной небесной любви. Вербализация отсутствия носит субъективно позитивный характер, раскрывая образ Демона-искусителя. Положительная оценочная семантика разрушается в разворачивании сюжета поэмы. Это противоречие создает мотив дьявольского искушения, стремление к которому губительно. Фрагмент является ведущим в поэтическом осмыслении образа Демона, прекрасного ангела-Денницы, губительного и бесконечно одинокого. Без поддержки бинарного оппозиита понятие «отсутствие», даже если оно связано с отсутствием страдания, выступает в роли соблазна. Стихотворения, содержащие этот мотив, типичны для поэзии символизма.

В текстах, содержащих мотивы смерти, гибели, отсутствия или утраты любви прототипы понятия «отсутствие» имеют негативную коннотацию. Эти мотивы реализуются языковыми средствами, передающими некомплементарное «отсутствие», которое активно представлено в пространстве русской поэзии. В русском поэтическом дискурсе выделен корпус «не-стихотворений»: лирических текстов, начальный стих которых содержит *не* или *нет* (СКОРОБОГАТОВА–МИНИНА 2017). Здесь частицы регулярно формируют негативные коннотации, связанные с мотивами смерти, ухода, одиночества, тоски.

Пацифистское стихотворение А. Вертинского «То, что я должен сказать...» начинается и заканчивается строками с актуализированным понятием отсутствия:

Я *не* знаю, зачем и кому это нужно,
 Кто послал их на смерть *недрожавшей* рукой,
 Только так беспощадно, так зло и *ненужно*
 Опустили их в Вечный Покой! [...]

И *никто не* додумался просто стать на колени
 И сказать этим мальчикам, что в *недоброй* стране
 Даже светлые подвиги – это только ступени
 В бесконечные пропасти – к *недоступной* Весне!

(ГАСПАРОВ–КОРЕЦКАЯ 1993: 677)

Обратим внимание на то, что в некоторых редакциях сочетание *в недоброй стране* заменяется на сочетание *в бездарной стране*. Прилагательные с префиксами *не-* и *без-* выступают как контекстуальные варианты. В этом тексте представлен мотив безжалостной и бессмысленной смерти, связанной с бесконечной пропастью небытия. Обобщенный характер поэтической символики подтверждается литературоведческими спорами о том, каким событиям посвящено стихотворение. Его основной пафос – бессмысленность смерти на войне, вне зависимости от того, кто и с кем воюет.

В стихотворениях поэтов первой и второй волн русской эмиграции мотивы утраты, исчезновения, конца, безумия звучат особенно часто. Стихотворение Г. Иванова «Хорошо, что нет Царя» написано в 1930 году, когда надежды эмиграции на возвращение привычного миропорядка окончательно исчезли. Мотив исчезновения ценностных ориентиров и гибели актуализирован за счет использования предикативного *нет*, повторов *не*, отрицательных местоимений, оценочных прилагательных:

Хорошо, что *нет* Царя.
 Хорошо, что *нет* России.
 Хорошо, что Бога *нет*.
 Хорошо – что *никого*,
 Хорошо – что *ничего*,
 Так черно и так мертво,
 Что мертвее быть *не* может
 И чернее *не* *бывать*,
 Что никто нам *не* поможет
 И *не* *надо* помогать.

(ИВАНОВ 2011: 71)

Уже в первой строфе максимальное отрицание *Бога нет* и мнимое поэтическое согласие *Хорошо, что...* создает общую картину уничтожения нравственного императива. Именно в поэзии зарождаются апокалиптические мотивы, характерные для эпох социальных и цивилизационных сломов.

Произведение А. Ахматовой, которое называется «Из пьесы „Пролог“» (в некоторых изданиях «Из трагедии „Пролог“, или „Сон во сне“»), начинается строками, передающими

ощущение бездомности. Заканчивается оно «Песенкой слепого» (вспомним, что *слепой* определяется словарями как «лишенный зрения»), основой которой является заклинательная формула, состоящая из императива с *не*:

Никого нет в мире бесприютней
И бездомнее, наверно, *нет*.
[...]
Не бери сама себя за руку...
Не веди сама себя за реку...
На себя пальцем *не* показывай...
Про себя сказку *не* рассказывай...
Идешь, идешь – и споткнешься.

(АХМАТОВА 1976: 335)

Прототипы отсутствия оформляют рамочную структуру этого произведения, в котором звучат мотивы одиночества (его подчеркивает повтор местоименных сочетаний и предложных форм местоимения себя: *сама себя, на себя, про себя*), бездомности (выражен в формуле с отрицанием *никого нет* + *-ей, -ее*), негативного восприятия будущего (*Идешь, идешь – и споткнешься*). Действующие лица этого текста, оформленного как фрагмент драматургического произведения, *Она* и *Он*, что сразу указывает читателю также на любовный мотив.

Мотив отсутствия любви и любовного одиночества является одним из регулярных поэтических мотивов. Его классический вариант встречаем, например, у А. Пушкина в стихотворении «Не спрашивай, зачем унылой думой...», где повтор отрицательных частиц и передает идею отсутствия. Заключительная строфа содержит противопоставление «наличия» / «отсутствия» любви в прошлом и настоящем-будущем:

Не спрашивай, зачем душой остылой
Я разлюбил веселую любовь
И *никого не* называю милой
Кто разлюбил, уж *не* полюбит вновь...

(Пушкин 1974: 41)

Языковое представление мотива отсутствия любви определено частицей *не*, связанной с глаголами настоящего и будущего времени и повелительного наклонения (*не называю, не полюбит, не узнает, не спрашивай*). Темпоральный контраст передает ощущение тоски, утраты, рисует картину негативной динамики жизни.

Изучение мотива любовного одиночества в связи с понятием «отсутствие» в русской поэзии является перспективой работы. Мотив представлен разными вариантами, и его разработка в разные периоды имеет специфику.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В контексте когнитивной лингвистики исследование абстрактных понятий приобрело особую значимость. Опираясь на уже имеющиеся достижения когнитивной лингвистики в плане методов анализа языкового материала, а именно применение метода прототипов, мы сопоставили и выделили корреляции понятия «отсутствие» с поэтическими мотивами на материале русских стихотворных текстов XVIII–XX веков. Исследование дает основание утверждать, что в поэзии реализация представления понятия происходит за счет использования общеязыковых прототипов *нет*, *не* и *без*, отрицательных местоимений, усилительной частицы *ни*. Наблюдаем регулярную связь представления понятия с рядом поэтических мотивов.

В космическом, философском и экзистенциальном аспектах поэтическая презентация понятия носит позитивный характер, связанный с мотивами гармонии мироустройства, бессмертия в диалектическом единстве представления бинарной оппозиции «наличие» / «отсутствие». При усилении одной из составляющих оппозиции общая окраска произведения меняется: усиление художественного представления отсутствия жизни, гармонии, порядка приводит к усилению негативной окраски текста, усиление представления их наличия – к формированию позитивного оценочного фона произведения.

Бессмертие как отсутствие смерти представляет ментальный и языковой диалектический скачок, отсутствие смерти как конца земной жизни связано с ее наличием, жизнью вечной, отсюда мажорное звучание стихотворений, посвященных христианскому пониманию взаимосвязи жизни и смерти.

Поэтическое представление отсутствия без оппозиита наличия, как правило, придает художественному произведению негативную оценочность. Такая поэтическая репрезентация связана с мотивами искушения, гибели, увядания. Мотив отсутствия любви в ряде случаев связан с темпоральным представлением оппозиции: наличие любви в прошлом противопоставлено отсутствию в настоящем и будущем.

Считаем, что вербальное воплощение этих и, возможно, других мотивов в связи с прототипами понятия «отсутствие» имеет ряд историко-литературных и индивидуальных идиостилевых черт, изучение которых является перспективой разработки данной проблематики.

ЛИТЕРАТУРА

- АХМАТОВА 1976 = АХМАТОВА А. А. *Стихотворения и поэмы*. Ленинград, 1976.
Банников 1986 = Банников Н. В. (сост.) *Три века русской поэзии*. Москва, 1986.
ВЕЖБИЦКАЯ 2001 = ВЕЖБИЦКАЯ А. *Понимание культур через средство ключевых слов*. Москва, 2001.
ГАСПАРОВ–КОРЕЦКАЯ 1993 = ГАСПАРОВ М. Л., КОРЕЦКАЯ И. В. (ред.) *Русская поэзия серебряного века. 1890–1917. Антология*. Москва, 1993.
Головин 2010 = Головин Е. В. Новая лирика: «мера и путь вопроса». В кн.: Фридрих Гуго: *Структура современной лирики. От Бодлера до середины двадцатого столетия*. Москва, 2010. 322–341.
ГОЛОСОВКЕР 1987 = ГОЛОСОВКЕР Я. Э. *Логика мифа*. Москва, 1987.
ЕСПЕРСЕН 2002 = ЕСПЕРСЕН О. *Философия грамматики*. Москва, 2002.
ИВАНОВ 2011 = ИВАНОВ Г. В. *Что-то случится*. Москва, 2011.

- Киклевич 2014 = Киклевич А. К. *Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом*. Харьков, 2014.
- КОСМЕДА 2000 = КОСМЕДА Т. А. *Аксіологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки*. Львів, 2000.
- КОСМЕДА 2017 = КОСМЕДА Т. А. *Лингвокалейдоскоп: процессы живой речи (на материале русского и украинского языков)*. Берлин, 2017.
- КУБРЯКОВА 2004 = КУБРЯКОВА Е. С. *Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Москва, 2004.
- ЛАКОФФ 2011 = ЛАКОФФ Дж. *Женщины, огонь и другие опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении*. Кн. 1. *Разум вне машины*. Москва, 2011.
- ЛЕРМОНТОВ 1980 = ЛЕРМОНТОВ М. Ю. *Собрание сочинений в 4 томах*. Т. 2. *Поэмы*. Ленинград, 1980.
- НОВИКОВ 2010 = НОВИКОВ Д. Н. *Лексическая неоднозначность в когнитивном аспекте. Прототипическая база английского лексикона*. Москва, 2010.
- ПОТЕБНЯ 1985 = ПОТЕБНЯ А. А. *Из записок по русской грамматике*. Т. 4. Вып. 1. *Существительное. Прилагательное. Числительное. Местоимение. Член. Союз. Предлог*. Москва, 1985.
- ПУШКИН 1974 = ПУШКИН А. С. *Собрание сочинений в 10 томах*. Т. 1. *Стихотворения 1813–1824 годов*. Москва, 1974.
- РАДЧУК 2019 = РАДЧУК О. В. *Лингвокогнитивная репрезентация понятия «отсутствие» в русском языке*. Харьков, 2019.
- РАДЧУК 2020 = РАДЧУК О. В. *Семантика засобів вираження поняття «відсутність» у російській мові: лінгвокогнітивний аспект*. АДД. Дніпро, 2020.
- РАХИЛИНА 2010 = РАХИЛИНА Е. В. *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. Москва, 2010.
- СКОРОБОГАТОВА–МИНИНА 2017 = СКОРОБОГАТОВА Е. А., МИНИНА Н. С. *Грамматические значения и поэтические смыслы: стиховая актуализация служебных частей речи*. Харьков, 2017.
- ТАРКОВСКИЙ 1991 = ТАРКОВСКИЙ А. А. *Собрание сочинений в 3 томах*. Т. 1. *Стихотворения*. Москва, 1991.
- ТОПОРОВ 2010 = ТОПОРОВ В. Н. *Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы*. Т. 1. Москва, 2010.
- ФАСМЕР = ФАСМЕР М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4. Москва, 1986–1987.
- ХАЛИМАН 2017 = ХАЛИМАН О. В. *Развитие идей Александра Бондарко в аспекте теории грамматической оценки. Przegląd Wschodnioeuropejski 2017/2: 283–295.*
- ЧЕЙФ 1983 = ЧЕЙФ У. *Память и вербализация прошлого опыта*. В кн.: *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 12. *Прикладная лингвистика*. Москва, 1983. 35–73.
- ЧЕРНЦОВА 2019а = ЧЕРНЦОВА Е. В. *Дискурсивное варьирование когнитивной семантики слова. Опыт интегрального исследования (на материале глагольных предикатов казаться, показаться, девербатива кажимость, парентезы кажется)*. Харьков, 2019.
- ЧЕРНЦОВА 2019б = ЧЕРНЦОВА Е. В. *Релевантность понятий «гештальт», «фон», «фигура», «фокус» для анализа концептуальной области «кажимости»*. *Studia Slavica Hung.* 64 (2019): 37–46.
- ЭКО 2004 = ЭКО У. *Отсутствующая структура. Введение в семиологию*. Санкт-Петербург, 2004.
- ЭПШТЕЙН 2007 = ЭПШТЕЙН М. Н. *Стихи и стихия. Природа в русской поэзии. XVIII–XX вв.* Самара, 2007.
- FILLMORE 1985 = FILLMORE Ch. *Frames and the Semantics of Understanding. Quaderni di Semantica* 6 (1985): 222–254.
- LANGACKER 1987 = LANGACKER R. *Foundation of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites*. Stanford, 1987.

- LEWANDOWSKA-TOMASZCZYK 2007 = LEWANDOWSKA-TOMASZCZYK B. Polysemy, prototypes, and radial categories. In: *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Oxford, 2007. 139–169.
- ROSCH 1975 = ROSCH E. Cognitive representations of semantic categories. *Journal of Experimental Psychology* 104 (1975): 192–233.

OLENA OLEKSANDRIVNA SKOROBOHATOVA

OLGA VYACHESLAVIVNA RADCHUK

Department of Foreign Literature and Slavic Languages,
H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University, Ukraine

The Role of the Prototypes *нет* and *без* in the Formation and Explication of the Notion “Absence” in Poetic Texts

The object of the study is the notion “absence” referring to the basic abstract notions that play a significant role in the conceptual system of any language and are of social and cultural significance. The subject of the research includes poetic contexts in which this notion is represented. Poetic texts have not been chosen by random since it is in them that the reflection of the perception of “absence” reveals the cognitive potential of personalities who individually select and use verbal means that convey this notion. The study of the mechanisms of the formation and representation of the notion “absence” in a poetic text is carried out taking into account the principle of anthropocentrism as a fundamental one in cognitive linguistics. Linguocognitive analysis based on the theory of prototypical description of lexico-grammatical phenomena makes it possible to identify a wide range of representation of the notion “absence” in poetic discourse.

The suggested methodological approach to the study of the ways of explication of the abstract notion “absence” in the Russian language has been tested in the study of poetic language material. The study of the poetic representation of the notion is realized on the basis of the binary opposition of ontologically significant notions “presence” / “absence”. With the help of the method of interpretation, the paper clarifies the role of prototypes *нет* and *без* in the formation and explication of the notion “absence” in creating poetic motifs that directly convey the notion under analysis. The use of the prototype description method made it possible to reveal semantic nuances, to show positive and negative connotations that represent the notion “absence” in poetry.

Correlations between the ways of using particles and prefixes *не, ни, без* as representatives of the notion “absence” and the presentation of the motives of cosmic harmony, immortality, temptation, fading, death, and lack of love are highlighted. It is shown that the author’s positive assessment of what is described in a poetic text is created when opposing the motives of harmony and immortality with the help of the dialectical unification of the notions “presence” / “absence” by means of their simultaneous verbalization in complementary contexts.

The dominance of the linguistic representatives of the notion “absence” leads to the formation of a negative evaluative context, which is associated with the motives of temptation, fading, death, and amorous loneliness. The description of the meanings of lexical units from the cognitive point of view represented in poetic discourse deepens the understanding of the semantics of a natural language as a phenomenon of human mentality.

Keywords: cognitive linguistics, anthropocentrism, the theory of prototypes, the notion “absence”, poetic discourse, the method of interpretation, poetic motives, the author’s assessment

